

Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто, — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ, — къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился... Видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ,
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...
Здѣсь, сквозь толпу издалика
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась. Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ!
Но съ поля онъ не побѣждалъ,
Не могъ бѣжать, хотя-бъ желалъ!...»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходить, смотреть: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣняютъ зловѣщій взглядъ,
И это гордое чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою —

